

2012/1 (7)

УДК 812.161.09

Большакова А. Ю.

Содержание

Теоретическая культурология

Шеманов А. Ю.

Другой как «неспособный»:
социальный конструктивизм
vs. медиализация

Разлогов К. Э.

Духовное возрождение — миф
или реальность?

Историческая культурология

Кочеляева Н. А.

Взаимодействие механизмов
памяти и забвения
в исторической перспективе

Скибинская О. Н.

Культурно-исторические основы
исследования рода
в провинциальной российской
традиции

Прикладная культурология

Костина А. В.

Реклама как фактор формирования
аксиологического пространства

Мамедов Ф.

Человеческий капитал: возможности
культурологического подхода
к анализу и оценке

Румянцев М. В.

Лаптева М. А.

Зеленцова Е. В.

Мельвиль Е. Х.

Андреева С. В.

Междисциплинарное исследование
креативных индустрий
и творческой экономики
Красноярска

Теория архетипа и концептология

Аннотация. В статье рассматривается концептология русской культуры, ее генезис и современное состояние, а также выявляется связь таких актуальных категорий, как «архетип», «(мета)концепт», «константа», «метаязыки культуры» и др. Результаты исследования, положенные в основу данной статьи, имеют универсальное значение и могут быть применены в различных областях культурологии.

Ключевые слова: архетип, метаязыки культуры, (мета)концепт, константа, концептология, концептосфера, вариативность /инвариантность, имя, сущность, именной ареал, словесное творчество, художественный образ

В процессах перехода ментальных сущностей из довербального состояния (доступного лишь интуиции психоаналитика) в сферу словесного творчества особое место занимает явление, получившее название «метаязык культуры»; иными словами, принцип, который ее организует и иерархизирует. Отсюда, по Ю. М. Лотману, задача выявить «универсалии культуры», без чего говорить о ее типологическом изучении, по его мнению, вообще не имеет смысла. Проще говоря, метаязык — это некий сверхязык, включающий в себя универсальные смыслы и обеспечивающий целостность той или иной знаковой системы [1], которую он формирует.

Именно метаязыки создают единое пространство культуры. Согласно Р. Якобсону, метаязыковая функция связана с указанием на код, на способ кодирования первичных сообщений. Таким образом, метаязык в культуре — это особый культурный код, идентифицирующий ее состояние и составляющие, ее универсальную природу и исторические изменения. Составляющие такого кода — *концепты, константы, архетипы* и подобные сущности, *обретающие именование в различных метаязыках культуры* и определяющие ее развитие.

Концепт, по определению С. А. Аскольдова, «есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли определенное множество предметов одного и того же ряда» [2]. Создатель современной концептологии, академик Ю. С. Степанов, затрагивая вопрос о типологическом родстве этого явления с «понятием», отмечает принадлежность второго к сфере логики и философии, тогда как первое более распространено в науке о культуре: «Концепт — это как бы сгусток

Гуманитарные исследования

Большакова А. Ю.
Теория архетипа и концептология

Селезнева Е. Н.
Методы концептуализации стилей наследования в истории культуры

Богатырёва Е. А.
Фактор времени в становлении культурных индустрий

Вислова А. В.
Культурные индустрии и театр

Малая культурологическая энциклопедия

Иконникова С. Н.
Кондаков И. В.
Костина А. В.
Шапинская Е. Н.
Высокие стандарты ученого и гражданина, воплощенные в жизнь: памяти А. И. Шендрика

К 80-летию Российского института культурологии

Астафьева О. Н.
Разлогов К. Э.
Диалог накануне юбилея

Рецензии

Черносвитов П. Ю.
Цивилизационная идентичность в переходную эпоху

Васильев А. Г.
Современная историческая наука — культурологии
Рецензия на книгу Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»

Аванесова Г. А.
Культурологический дискурс в контексте современных социальных трансформаций

Научная жизнь

Зубов А. А.
Курова-Чернавина Н. С.
Энциклопедический текст на фоне

культуры в сознании человека». Отличие его от «понятия» прежде всего в том, что «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [3]. Если терминологический объем «понятия» синонимичен «значению», то «концепт» — «смыслу», «сущности».

Архетип как метаконцепт и именной ареал

Вопрос о разграничении «концепта» и «архетипа» нуждается в дальнейшем уточнении. В целом, *концептосфера* (термин Д. С. Лихачева) культуры формируется через именование: возникновение вербализованных аналогов довербальных сущностей [4]. Наиболее сильные из них, объединяющие множество единичных проявлений той или иной сущности, а также наиболее устойчивые в исторических изменениях и определяющие строй мировоззрения (личности, нации, народа), выделяются из общего состава концептов/констант: именно такие *метаконцепты культуры* и можно определить как «архетипы культурного бессознательного». Таким образом, *архетип есть метаконцепт* как предельное воплощение принципов иерархии суммирования в системе *метаязыков культуры*, исследование которых включает в себя набор особых приемов и моделей анализа: таких, как «метаописание», «метаобраз» и пр.

В пространстве словесного творчества всякий метаконцепт, согласно актуальному для него принципу приращения смыслов, развивается посредством ментального расширения, которое на письме выражается в следующем. Обретая основное имя, архетип далее начинает наращивать дополнительные смыслы, актуализируя те или иные свои смысловые грани через дополнительные лексико-семантические образования, создавая свой уникальный именной ареал. В него входят, конечно, не только имена, но и эпитеты, предикаты и прочие слова, раскрывающие обозначенную основным именем сущность, вносящие дополнительные смыслы и т.п.

В силу некоторой размытости самого понятия «концепт» и разногласия в его определениях и оценках, некоторые исследователи даже считают возможным утверждать, что «не какое-то “*имя концепта*” выражает его *сущность* и определяет его, а именно совокупность актуального для данного речевого общения... семантических и семиотических сфер» [5]. Думается, такого рода суждения сами по себе демонстрируют принцип наращивания смыслов, не отменяя основного тезиса: «“*имя концепта*” выражает его *сущность* и определяет его», но сопровождая его дополнительными коннотациями. Среди сходных формулировок можно привести следующую: концепт опирается на «лингвокультурологическое поле — иерархическую систему единиц, обладающих общим значением и отражающих в себе систему соответствующих понятий культуры» [6].

Продуктивно структурное деление концепта на *ядро* (т.е. базовый слой концепта) и *интерпретационные слои*. В ядре концепта усматривается сопряжение имени и ментального образа: «Базовый слой концепта всегда представляет собой определенный чувственный образ (...религия — церковь, молящиеся люди)... Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова (*лексемы*), *именующего концепт* (например, свобода, тоска, общение, душа, вера, свобода и т.п.). Пополняет содержание концепта анализ синонимов, симиларов, антонимов ключевой лексики» [7].

Коваленко Т. В.

О создании Южного филиала
Российского института
культурологии

Данное определение, однако, представляет собой скорее исключение, нежели правило в современной концептологии, в которой много неясностей, да и само по себе представление о концепте обросло ненужными терминологическими наслоениями и излишне усложнено. В сферу «темных мест» концептологии входит непроясненность следующих направлений: вербальность/невербальность концепта, его понятийность/образность, опора на индивидуальное/коллективное, сознательное/бессознательное, ценностное начала и т.п. Среди издержек в исследованиях концепта — излишняя дробность включаемых в концептосферу единиц. Так, общий спектр этих единиц у разных авторов колеблется от таких глобальных величин, как Вечность и Мир (Ю. С. Степанов) до самых мелких и частных («слухи» — Т. Долгая; «якорь» — Т. Солнышкина) или имеющих локальное значение («белорусская шляхта» — Ю. Е. Прохоров). Не получается ли, что под «концепт» можно подверстать любой элемент нашего вещного или бытового окружения?

Приводя крайне противоречивую классификацию современной концептологии, Ю. Е. Прохоров справедливо резюмирует: «...Понимание “концепта” различными авторами только последнего десятилетия практически не сводимо к какому-либо единству» [8]. Для прояснения предмета концептологии следует, очевидно, вернуться к ее истокам в работе С. А. Аскольдова (Алексеева) 1928 г. и основным положениям, изложенным в базовой теории Ю. С. Степанова 1970–2000-х гг.

Вербальная и понятийно-образная природа концепта

Уже заглавие статьи Аскольдова (Алексеева) «Концепт и слово» задало параметры в осмыслении проблемы: на первый план вышла вербальная природа концепта, а также его понятийно-образная природа, которая, в своих вариативных колебаниях, и вызывает деление концептов на познавательные (научные) и художественные. Относя «концепт» к разряду «универсалий» (к которым, добавлю, принадлежит и «архетип»), автор выявляет *сопряжение концепта, слова* (а также связанных с ним переживаний) *и художественного образа*: «Художник вызывает в уме воспринимающего по преимуществу образы (т.е. те же представления), а не понятия, и они-то и производят эмоциональный эффект» [9]. Хотя тезис об образной природе (художественного) концепта далее подвергается автором сомнению и даже частичному отторжению [10].

На первый план в этой теории концепта выходит функция заместительства, признание которой и породило многократно цитируемую формулу: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [11]. По сути, здесь заложены основы типологического сходства имени — концепта — архетипа: все они замещают единичным именованьем сущности множество ее вариативных проявлений.

Отсюда — утверждаемый Ю. С. Степановым тезис о сверхиндивидуальной природе концепта и его связи с коллективным бессознательным, которое напрямик ведет нас к признанию связи между концептом и архетипом: в своем словаре концептов Степанов исходит из оговоренной им презумпции, что «существуют *концепты над индивидуальными употреблениями*» и что охарактеризованные им в словаре «концепты представляют собой в некотором роде “коллективное бессознательное” современного российского общества» (курсив наш. — А. Б.) [12]. Говоря о функции заместительства как самой

существенной в природе концепта, Аскольдов также подчеркивает: «...Мы не отождествляем концепт с индивидуальным представлением, а видим в нем *общность*» (курсив наш. — А. Б.) [13].

Другой момент, им выделяемый, состоит в потенциальной открытости всякого концепта, предстающего скорее как возможность, нежели только реальность: «Самое скрытое и загадочное в природе концепта и слова, как его органической части, раскрывается через понятие *потенциального*» (курсив наш. — А. Б.) [14]. Так, в познавательно-научной сфере «концепты — это эмбрионы мысленных операций, которые в своем раскрытии могли бы занять часы, дни, иногда месяцы, например, концепт “падение Римской империи” в понимании историка специалиста... Несомненно, предмет художественного произведения в гораздо большей мере *дан*, чем в научном концепте (курсив наш. — А. Б.). Но все же в нем, как в научном концепте, есть своя направленность и на что-то дальнейшее в этом “роде”, в каком-то заданном направлении». И дальше Аскольдов обозначает важнейшее, для понимания литературных универсалий, сопряжение: зависимость раскрытия потенциальных (дополнительных, наращиваемых) смыслов (художественного) концепта от читательского восприятия: «Что это (направленность и на что-то дальнейшее. — А. Б.) именно так, вполне подтверждается процессом постижения художественных произведений, которое никогда не дается сразу, а требует повторных подходов, причем каждый новый подход несколько продвигает содержание художественного восприятия в новые области» [15].

Очертив основные контуры концепции Аскольдова, отметим, что основная сложность ее состоит в понимании концепта на грани между понятием и образом. Однако именно здесь, думается, обнаруживается игрань, отделяющая «архетип» от обычного концепта, несмотря на типологическую принадлежность к общей концептосфере как своду универсалий: архетип — прежде всего, «первообраз», тогда как «концепт» есть образ лишь отчасти, даже в художественных концептах сильна понятийная природа. И Степанов, отстаивающий тезис о культурологической природе концептов (они «не только мыслятся, они переживаются»), все-таки начинает свою характеристику с формулы: «Концепт — явление того же порядка, что и понятие», тогда как архетип — явление того же порядка, что и образ, осмелимся добавить мы. Однако продолжим определение: «По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* — “понятие”, от глагола *concipere* “зачинать”, т.е. значит буквально “поятие, зачатие”; понятие от глагола *ponere*, др.-рус. *poiaty*, “схватить, взять в собственность, взять женщину в жены” буквально значит в общем, то же самое» (курсив наш. — А. Б.) [16].

Нельзя не признать, однако, наличие понятийной части в архетипе также — являясь нам как именованная сущность, он несет в своем ядре ту или иную идею, которая формулируется на понятийном уровне. А художественный концепт, в силу своей зависимости от переживаний воспринимающего, образен: ведь именно образы, а не понятия, как справедливо заметил Аскольдов, вызывают эмоциональный эффект.

Продолжение тема «концепт и слово» получила в статье академика Д. С. Лихачева, предложившего терминологическое сочетание «концептосфера русского языка» в одноименной статье 1993 г. Будучи лишь развитием заявленных Аскольдовым тезисов (о функции заместительства и зависимости концепта от опыта воспринимающего [17]), данная статья, однако, не внесла принципиально

нового в концептологию. Далеким от литературоведения и культурологии представляется определение концепта как «“алгебраического” выражения значения... которым мы оперируем в своей письменной и устной речи» [18]. Неразличение математической и художественной сторон одного феномена дополняется неразличением концепта как общности и — индивидуального художественного образа, детали и пр. Во многом это происходит из-за смыслового смещения: концепты в данной интерпретации нередко предстают не как именованная сущность, но просто как «концепты слов (? — А. Б.) русского языка». Тогда смысловая иерархия утрачивается и возможно ставить рядом, как однопорядковые величины, концепт «Отчизна» и — такие произвольно выбранные слова, как « “незнакомка”, “варя”, “интеллигенция”, “верба”, “булат”, “сцена”» [19]. Отсутствие ценностно-содержательных ориентиров очевидно. Достоинством статьи, однако, стало введение неологизма «концептосфера» (по аналогии с термином Вернадского «ноосфера»).

Тем не менее, как признал во введении к статье и сам Лихачев, основы современной концептологии складывались в отечественной науке благодаря усилиям академика Степанова и основанной им школы. На этом я и остановлюсь подробнее.

Концептология Ю. С. Степанова

Сразу оговорю, что значение этой теории прежде всего состоит в утверждении значения термина/понятия «концепт» для национального, здесь — русского языка и культуры в целом. То есть концепт мыслится Степановым не только как некое ментальное образование, но — базовый элемент культуры, прежде всего словесной. Отсюда выстраивается логический ряд: *сущность — именование ее в ментальном мире — формирование концепта культуры*. Отсюда и подступы к проблеме в работах академика, датированных 1970-ми (статья «Слова “правда” и “цивилизация” в русском языке» и др.), — здесь еще концепт не назван «концептом», он пока лишь «слово». Тем не менее, в предисловии к словарю концептов русской культуры, так и названном — «Слово», Степанов очерчивает связь выявленной через слово сущности (т.е. ее существования), возникающего в результате феномена, получившего название «концепт», и — собственно культуры: «Одним из важнейших вопросов, на которые призван ответить словарь данного типа, является *вопрос о существовании*: в какой мере действительно существует то, что в нем описывается? В главном на этот вопрос можно ответить уже а priori: русская культура существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, выражающих культурные концепты» (курсив наш. — А. Б.) [20]. «Концепт — это смысл слова», — утверждает ученый, особо оговаривая «неслучайность именованности в культуре». Напомню и уже хрестоматийное: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека», «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [21].

Исходя из сказанного, можно определить и «архетип» как *(мета)концепт*: инвариантное ядро человеческой ментальности, видоизменяющееся в соответствии с конкретной исторической ситуацией, в сопротивлении ей и в адаптации к ней. Определяя концепт (в отличие от сугубо научного понятия) как переживание, Степанов открывает путь к постижению сущности в литературном/культурном архетипе именно через эстетическое переживание. Этому способствует и его отсылка к Гуссерлю, согласно которому любое познавательное «переживание» (восприятие, представление предмета) заключает в себе

«значение», «смысл». Если исходить из степановского тезиса о том, что восприятие предмета как значения есть один из главных семиотических законов вообще, то получается следующее: *восприятие предмета как именованной сущности есть один из главных законов теории архетипа применительно к словесному творчеству*. Впрочем, разграничение концептов на научные и художественные проходит именно по линии «значение — переживание», и, таким образом, грань меж ними существует, хотя и весьма подвижная.

Архетип — концепт — константа

Справедливости ради отмечу, что Степанов практически не проводит параллелей между архетипом и концептом. Но мысль об этом коренится в самих основаниях его теоретических построений, которые я пытаюсь актуализировать и, так сказать, достроить, — выявив все важное для остро вставшей сейчас задачи формирования теории культурного (литературного) архетипа. Базовым в этом плане можно считать определение ученым (с опорой на К. Г. Юнга) архетипа как «архаического глубинного концепта».

Впрочем, тенденция к определению «архетипа» через «концепт/константу» прослеживается в современной научной мысли — правда, не обретая еще четко выраженных концептуальных очертаний и пребывая, так сказать, в «свернутом» состоянии. Напомню, к примеру, определение архетипа как «универсального концепта» в Британнике [22]. Д. Данов называет архетип «антропологической константой», И. Смирнов представляет архетипы как «родовые способы концептуализации действительности» [23].

Уточнение Степанова о соотношении концепта и константы, однако, дает более ясное понимание природы архетипа. Очевидно, и в его теории архетип не просто «концепт». В силу своей глубинной инвариантности, архетип можно обозначить как некую *константу*, которая, в свою очередь, представляет собой базовый устойчивый «концепт, существующий *постоянно* или, по крайней мере, очень *долгое* время» [24]. В особенности это касается культурных метаконцептов, собственно, и составляющих метаязыки культуры — «тонкую пленку цивилизации».

Само собой, и среди констант «архетип» занимает особое место — ведь это первичный концепт: точнее, метаконцепт, определяющий сущностное развитие человеческой цивилизации. Выступая на правах константы, архетип является базовой моделью человеческого мировосприятия: это первичное «ментальное образование» (Ю. С. Степанов), своего рода «мостик» между миром ментальным и миром реальности. Константность (инвариантность) архетипа предполагает и ментальное расширение первичной модели, что обуславливает вариативность его воплощений в культуре (литературе) и своеобразную эволюцию.

Итак, «архетип» не просто «концепт». Если концепты проявляют себя более конкретно и, так сказать, в «дробном» виде (согласно Степанову, это может быть даже отдельная пословица — «тише едешь, дальше будешь»), то константы обладают гораздо более общими, фундаментальными свойствами. Очевидно, однако, включением архетипа как базовой константы в общую — достаточно широкую и дробную — сферу концептов и обусловлено некоторое смешение и смещение в его теории и практике. Например, доходящее до абсурда приравнение к «архетипу» любых — значимых для автора того или

иного рассуждения (но и только?) — повторяемых величин: скажем... «образа бороды» в литературе или названия произведения, художественной детали и пр.

Но, несмотря на все свое тяготение к всеобщности и универсальности, «архетип», несомненно, входит в сферу концептов как выразителей национальных ценностей. Так, базовые архетипы, определяющие все лучшее в русской культуре, можно назвать метаконцептами, представляющими ее ценностно-иерархический спектр. Все сказанное подкрепляет до сих пор дискутируемый тезис о ценностной природе архетипа.

«Мир» — концепт, переросший в архетип

Обретая имя, концепт становится фактом культуры. Напомню степановское: «Исконный словарный состав — вот первое оригинальное достояние русской культуры». Свое исследование концепта ученый начинает с этимологического анализа слов, воссоздающего их довербальные смысловые слои и открывая тем самым путь к запечатленному в имени коллективному бессознательному. Среди первоосновных метаконцептов, определяющих становление национального менталитета и потому обретающих архетипический статус, — «Мир»: неслучайно описанием именно этой константы русской культуры Ю. С. Степанов открывает свой словарь. Первично, в древнерусском языке, слово «миръ» (реже «міръ») совмещало в себе два смысловых компонента: «обжитое пространство, место на земле вокруг нас» и «согласие, покой, отсутствие вражды», которые затем разошлись в других языках, но остались близкими в системе современного русского языка: мир — «вселенная, система мироздания как целое» и мир — «согласные отношения, спокойствие, отсутствие войны, ссоры». Отмечая близость семантических компонентов «обжитое место» и «покой, согласие» в слове «миръ» еще в XI в., ученый добавляет к ним еще и компонент «жизнь»: «глубокая, т. е. индоевропейская, этимология этих элементов вскрывает их исконное родство в концептуальной сфере» [25].

Действительно, уже в «Слове о полку Игореве», текст которого пререзает восклицание: «О, Русская земля!», повествованию о деяниях выдающихся вождей сопутствует *архетип Земли*, здесь выходящий за натурфилософские границы и обретающий отчетливо политическое, социоисторическое, религиозное значение. Ведь князь Игорь и его дружина защищают свою землю, «побарая за христьяны на поганья плъки» [26]. Земля здесь — не только «своя территория»: в такое именование вкладывались важные идеологические смыслы: «родина», «нация» и «народ», «страна» и «государство».

Закономерно, что, рассматривая ментальное расширение концепта «Родная Земля» в восприятии русских, Степанов определяет его именно как «архетип культуры». Архетип, берущий начало в стихии древнерусской словесности, добавим мы. Сопрягаясь с духовным состоянием (покоя, согласия, миролюбия), Земля как обжитое, родное пространство и национальный космос входит в «Слове о полку Игореве» — в противовес разорительного для нее хаоса войны — и в первообраз более общего толка: Мир.

«В период, когда племенные представления отошли в прошлое, а государственные еще не могли лечь в основу понятия национального единства, ибо государственные институты дробили, а не соединяли народное тело, именно термин “земля” стал выразителем идеи

территориально-этнического единения. Он означал не только географическое пространство, но и народ, на нем обитающий, а затем и любую часть народа. “Олегу на мя приде с Половечьскою землею”, — писал Владимир Мономах». Причем первичность такого употребления термина относится именно к «Слову»: «Достаточно просмотреть публицистику и политическую поэзию конца XVIII — начала XIX в., чтобы убедиться в том, что термин “Русская земля” входит в оборот... только после появления “Слова о полку Игореве”» (курсив наш. — А. Б.) [27].

Подобные аспекты терминологического содержания стали столь существенными для русской литературы, что переросли в значимую часть *бинарного архетипа*, обозначенного в заглавии одного из ключевых произведений мировой классики — я имею в виду роман-эпопею Л. Толстого «Война и мир». С другой стороны, метаконцепт «Мир» послужил основой для аналитических построений, связанных с идеей «ментального пространства»: «ментальный мир» и пр.

Мир — Пространство — Архетип

Начиная с глубокой древности до современности выстраивается некая единая линия: концепт «Пространство» сопряжен с концептом «Мир» — причем не только и не столько в географических, сколько в ментальных параметрах. В древнерусской литературе, как отмечалось, одно из значений «Мира» — свое, обжитое пространство. Но этот концепт претерпевает ментальное расширение, доходя до пространственности Космоса, Вселенной. Такое расширение становится возможным в связи с формированием этого концепта на грани реального и идеального.

Д. С. Лихачев отмечает сопряжение идеи пространства в древнерусской литературе и искусстве с «надмирным» осознанием мира, где доминирует не личностный, но надиндивидуальный взгляд, отражающий, добавлю, национальное коллективное бессознательное. Нагляднее всего это представлено в иконописи, где возникает образ мира, построенный по принципу иерархии — в довербальном виде. «Ближе всего к зрителю то, что важнее, — Христос, богородица, святые и т.д. Отступая и в сильно уменьшенных размерах изображаются здания... деревья... В миниатюрах изображается город целиком, но он сокращен до одной сильно схематизированной городской башни. Башня как бы замещает город. Это символ города. Предметы бытовой обстановки... уменьшаются относительно человеческих фигур мало: те и другие слишком тесно между собой связаны... В результате внутри иконы создается некая иерархия размеров изображения» [28]. Все это, впрочем, создает более широкую проекцию — на возможную будущую классификацию архетипов в русской культуре/литературе: от нуминозных (Божественное и Дьявольское начала) к социоисторическим (Деревня и Город) и натурфилософским (Земля и др.), а далее — к личностным, раскрывающим изначально единый архетип Человека.

В древнерусской литературе в архетип Русской Земли/Мира входят географические названия, имена князей и пр. Так идея мира/пространства с самого начала сопрягается с ономастикой, с ономастическим пространством культуры: константность достигается через восприятие постоянных именованных (топоса, людей) как семантически значимых и знаковых с мировоззренческой точки зрения.

В нынешних научных версиях возникает модификация «ментальный мир», нередко заменяемая синонимом «ментальное/воображаемое пространство». Так, в трудах Московской семиотической школы, культивировавшей «понимание пространства как основного

семиотического конструкта», наблюдается антропологическое «постижение любого пространства, в том числе и геопространства, через постижение его душой человека»: т.е. как «ментальное пространство» [29].

По своей структуре концепт Мир, как и производный от него архетип, отчетливо бинарен, и не только в смысле расширения: «свое географическое пространство» — «ментальный мир» — «вселенная». Согласно Степанову, эта категория градуируется по нескольким линиям, которым соответствуют оппозиции «внешнее/внутреннее», «личное/безличное», «природное/человеческое», «свое/чужое (необжитое, невочеловеченное)».

Иная грань соотношения «Мир — Пространство — Архетип» обнаруживает то, что каждому архетипу соответствует свой ментальный мир: некое именованное пространство, формирующееся по принципу именованного расширения — наращивания смыслов через расширение именованного ареала. В этом плане не только Мир воспринимается как определенный метаконцепт-архетип, но и каждый архетип, в процессе интеллектуально-речевой деятельности человека, творит свой собственный мир.

Если же рассматривать категорию «(ментальное) пространство» в сравнительном аспекте, то на первый план выходят «семиосфера» Ю. М. Лотмана, а также «концептосфера» Д. С. Лихачева и «концептуальное пространство» Ю. Е. Прохорова, понимаемое как «совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, закрепленных в наборе семиотических сфер, именованных в наборе семиотических сфер и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве» [30].

* * *

В целом, культура есть «совокупность концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах”», в том числе в «парадигмах», «константах», «эволюционных семиотических рядах» и пр. Каждый концепт, константа, архетип входит в такие ряды, составляющие единое «резонантное пространство» (В. Топоров) культуры и определяемые отношениями преемственности. Каждое явление индивидуального порядка сопряжено с общим целым — потому и рождает отклик, звук, идею, образ...

Очевидно, мы можем говорить о некоем коллективном культурном пространстве, сложившемся на основе единого «генетического кода», стихийно регулируемых, интенсивных процессов «культурного бессознательного» и «памяти культуры»: через чтение и восприятие друг друга авторами различных произведений, обратное воздействие на художественный процесс читательского и зрительского восприятия (через отклики, письма, дискуссии и т.п.), а также литературной критики и культурологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Напомню: «Словесное художественное произведение может образовывать само по себе индивидуальную знаковую систему» (Степанов Ю. С. Язык и метод. М., 1998. С. 72). Шире — под знаковой системой может пониматься культура в целом как свод художественных произведений, созданных на различных (мета)языках: от собственно словесного до музыкального, театрального и т.п.

- [2] *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. М., 1997. С. 269.
- [3] *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры. М., 2001. С. 43.
- [4] Это относится и к внесловесным видам искусств, т.к. им неизменно сопутствуют аналитические аналоги: размышления искусствоведов о метаязыках, присущих тому или иному виду искусства.
- [5] *Прохоров Ю. Е.* В поисках концепта. М., 2009. С. 143.
- [6] *Воробьев В.* Лингвокультурология (теория и методы). М., 1997. С. 60.
- [7] *Стернин И. А.* Методика исследования концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58, 62.
- [8] *Прохоров Ю. Е.* Указ. соч. С. 22.
- [9] *Аскольдов С. А.* Указ. соч. С. 267.
- [10] «Художественный концепт не есть образ или если и содержит его, то случайно и частично. Но он несомненно *тяготее*т именно прежде всего к потенциальным образам... (курсив наш. — А. Б.). В нем «родовое» есть органический сросток возможных образных формирований, определяемый основной семантикой художественных слов» (*Аскольдов С. А.* Указ. соч. С. 275).
- [11] Там же. С. 269.
- [12] *Степанов Ю. С.* Язык...
- [13] *Аскольдов С. А.* Указ. соч. С. 269.
- [14] Там же. С. 278.
- [15] Там же. С. 273–274.
- [16] *Степанов Ю. С.* Константы... С. 43.
- [17] Ср., например: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека... Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» (*Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. М., 1997. С. 281).
- [18] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 281.
- [19] Там же. С. 282.
- [20] *Степанов Ю. С.* Слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология. М., 1997. С. 289.
- [21] *Степанов Ю. С.* Константы... С. 43–44, 67.
- [22] Archetype // The New Encyclopedia Britannica. Chicago, 1990. V. 1. P. 529.
- [23] *Смирнов И. П.* Диахронические трансформации литературных жанров и мотивов // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1981. Sonderband 4. S. 60.
- [24] *Степанов Ю. С.* Константы... С. 84–85.
- [25] Там же. С. 88–89.
- [26] О, Русская земля! М., 1982. С. 73.

[27] Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — нач. XIX в. // Слово о полку Игореве — памятник XII в. М. ; Л., 1962. С. 332–333.

[28] Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 341.

[29] Николаева Т. Н. Введение // Из работ Московской семиотической школы. М., 1997. С. XXIV, XXXVII.

[30] Прохоров Ю. Е. Указ. соч. С. 102.

© Большакова А. Ю., 2012

Статья поступила в редакцию 12 января 2012 г.

Большакова Алла Юрьевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва),
e-mail: allabolshakova@mail.ru

UDC 812.161.09

Bolshakova A.

Theory of Archetype and Conceptology

Summary. The article is devoted to the conceptology of Russian culture, its genesis, and actual state. The author discusses the notions of “archetype”, “(meta)concept”, “constant” and their interpretations, especially by Sergei Askoldov and Yuri Stepanov. A special attention is given to the interrelations between those basic categories including “meta-languages of culture”. Results of the research based upon are of the general character and could be applied in various areas of the cultural research.

Key words: concept theory, archetype, meta-languages of culture, (meta)concept, constant, conceptology, variant/invariant, name, essence, image, verbal creativity

Bolshakova Alla Yurievna,
Dr in Philology, Leading Researcher,
World Literature Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow),
e-mail: allabolshakova@mail.ru